

Горюцкая Наталья Владимировна

СМЕРТЬ ЛЮБВИ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/11/52.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 11 (54). С. 153-154. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091

*Наталья Владимировна Горюцкая**Омский государственный педагогический университет*СМЕРТЬ ЛЮБВИ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА©

В становлении творческой личности Брюсова ученые неоднократно отмечали влияние эстетики немецкого романтизма на его поэзию. Следует отметить, что при этом Брюсову не столько импонировали мотивы и образы, созданные до него романтиками, сколько само их мироощущение. Характерной чертой восприятия романтического мира является неудовлетворенность всем конечным и как следствие стремление к бесконечному, запредельному. Особое внимание уделяет немецкий романтизм мистификации любви, их характерной чертой становится «восстановление» и «эмансипация плоти».

Исследователь немецкого романтизма, В. Жирмунский, отмечал, что романтики сделали чувственность основной своей мистики любви, а это означает, что они наделили чувственность святостью, которой обладает в их представлении Любовь как чувство бесконечного. В любви для романтиков заключена святость и таинство человеческой души. Вместе с любовью к женщине открываются миры иные [7]. Таким образом, Женщина в романтизме оказывается носителем божественного начала. Следовательно, через любовь к ней осуществляется познание мистических глубинных сущностей мира. Поэтому в представлении романтиков брак - высшее таинство, которое одухотворяет человеческое тело, а душа стремится к воплощению в телесные формы.

Эти мысли о любви, о женской сущности оказались близки мистицизму символистов XX века и составили эстетическую основу их творчества. В 1896 году философ Василий Розанов подметил то, что есть «бесспорное и понятное» в содержании символизма, так это его «общее тяготение к эротизму». Он писал: «Эрос не одет здесь более поэзией, не затуманен, не скрыт; весь смысл, вся красота, все бесконечные муки и радости, из которых исходит акт любви <...> - все это здесь отброшено» [8, с. 205, 206]. Эротическое начало в творческой рецепции «старших» символистов становится одной из наиболее ярких сфер выявления декадентского в поэзии рубежа веков. И в этом несомненная заслуга эстетики французских «проклятых» поэтов.

По словам философа Н. Бердяева: «В падшем мире происходит космическая борьба мужского и женского принципов, мужской и женский принцип ищет не только соединения, но они и постоянно борются друг с другом как смертельные враги» [1, с. 68.]. Тютчевский образ любви как «рокового поединка» в реальности эротического быта превращается у Брюсова в дуэль между любящими существами, обреченными на смертоносную страсть: «Выходи же! иди мне навстречу! / Я последней любви не таю! / Я безумно тебя обовью, / Дикой лаской отвечу! / <...> / Но, под тем же таинственным звоном, / Я нащупаю горло твое, / Я сдавлю его страстно - и все / Будет кончено стоном» [4, с. 73].

Важно сказать о такой особенности, которую заметил еще В. Розанов, что в «сюжетах» любимых у «старших» символистов «умерло лицо, имя, прошлое человека и его будущее» [8, с. 208]. Действительно, мы не найдем конкретных имен, не увидим индивидуальных лиц любимых. Так, у Ф. Сологуба это обобщенный образ Недотыкомки, З. Гиппиус называет свою героиню Она и т.д. Вот и для Брюсова Женщина - это женщина вообще. Непременным атрибутом брюсовской героини становится Луна (см. стихотворения «Пурпур бледнеющих губ», «Жреце Луны», «Медея» и др.). Брюсов не только облакает героиню в «лунные одежды», но называет ее именем богини мрака, ночных видений и чародейств Гекатой. Как отмечает А. Тахо - Годи, в образе богини греческой мифологии «переплетаются хтонически-демонические черты доолимпийского божества, связующего два мира - живой и мертвый» [9, с. 143]. С Луной также связан культ Диониса - вечно умирающего и вечно воскрешающего бога. По мысли М. Элиаде, луна есть воплощение «высшего престижа плодородия, периодического рождения, неисчерпаемости жизни» [12, с. 308], что символизирует непосредственное слияние Эроса и Танатоса.

Неизменно присутствует в любовной лирике Брюсова и мотив вина. Вино - вакханический символ, связанный с Дионисом, намекающий на эротизм, а также символизирует его божественную кровь, т.е. прямо отсылает к размышлению и Смерти и Возрождению. Следует также учесть, что вино - это еще и «метафора брака» (О. Фрейденберг): вино пьется при брачном обряде, также как и при жертвоприношении. О. Фрейденберг подчеркивает «единство образов жертвоприношения, пьянства, блуда и спасения», соединяющихся в мотиве вина [10, с. 85]. Надо отметить, что у Брюсова вино не только размывает границы между Злом и Добром, но и соотносится с ядом, отравой, которыми наделена возлюбленная: «Ты - женщина, ты - ведьмовский напиток! / Он жжет огнем едва в уста проник; / Но пьющий пламя подавляет крик / И славословит бешено среди пыток» [4, с. 179]. Лирическая героиня - хтоническое существо - часто отождествляется с Аидом, с царством Смерти, против которого бессилен лирический герой. К. Чуковский в «горячем пафосе» любовных стихов Валерия Брюсова замечает: «Ласка возлюбленной - пытка, застенки, мука, гроб объятий. И если он зовет женщину на «страстное ложе», он зовет ее к страданию и ужасу. Любовные объятия изображаются им как самая жестокая казнь. Страсть для него не только мука, но и некое сражение, роковой поединок двух душ <...>» [11, с. 50-51].

Исследуя природу женской и мужской любви, Н. Бердяев приходит к выводу: «Мужская любовь частична, она не захватывает всего существа. Женская любовь более целостна. Женщина делается одержимой. В этом смертельная опасность женской любви» [2, с. 138]. Так в брюсовской любовной поэзии возникает образ Женщины как *femme fatale*, которая «есть воплощение вневременного и стереотипного образа дьяволицы» [6, с. 31]. Холодность женщины, ее лунность, ее демонизм вызывает к жизни мотивы жестокости, зла, звериной дикости: «Есть в мире демон, с женственным лицом, / С когтями львицы, с телом сухопарым...» [5, с. 21].

Брюсов подчеркивает жестокость своей героини, имеющей власть над поэтом, функция которой амбивалентна. Она может как возвысить, так и уничтожить героя: «Милый, близкий! жаль тебя! / Я гублю, как дух могильный, / Убиваю я, любя» [4, с. 151]. Для Брюсова Любовь и Смерть уравниваются. Поэт изображает губительную силу Эроса, которая *сжигает влюбленного*: «О да! Я - темный мотылек, / Кружусь я, крыльями стуча; / На гибель манит огонек...» [Там же, с. 187].

Интересно, что и сам образ лирического героя амбивалентен. С одной стороны, лирический герой - Жертва злого Эроса, с другой стороны, его Творец, для которого страсть есть возможность безграничного, абсолютного свободного общения с миром. Для этого поэт обращается к литературному образу Дон Жуана: «Да, я моряк! искатель островов, / Скиталец дерзкий в неоглядном мире / Я жажду новых стран, иных цветов, / Наречий странных, чуждых плоскогорий» [Там же, с. 158].

Эти слова заставляют нас под другим углом взглянуть на литературного персонажа, за которым закрепилась слава безнравственного злодея. Дон Жуан - это, прежде всего сам поэт, для которого страсть таит в себе главный источник поэтического вдохновения: «В любви душа вскрывается до дна, / Яснеет в ней святая глубина, / Где все единственно и неслучайно» [Там же].

Брюсовский герой обнаруживает в женском начале возможность прикоснуться к тайне бытия. Но не следует забывать, что Дон Жуан абсолютно не способен вспылать любовью к одной женщине. Известный писатель и мыслитель М. Бланшо, отмечал, что Дон Жуаном «правит желание»: «Вместе с желанием Дон Жуан... обрек себя на невозможность, но для него главное в том, что невозможное - лишь сумма возможностей» [3, с. 208]. Дон Жуан ищет не любви, а новых ощущений. Стремление ощутить всю красоту неудовлетворяющей жизни занимает все мысли как Дон Жуана. Единственный способ реализовать эту цель - «отворить ворота» в бесконечность, т.е. переступить границу жизни. Сделать это под силу только такому изобретательному уму, каким наделен Дон Жуан. Брюсовский герой пытается найти «лазейку», которая дала бы ему возможность познать вкус вечности - небытия. Стремясь приобщиться к тайне смерти, Дон Жуана хотя бы временно прибегает к плотскому Эросу, воплощенному в телесной близости с Женщиной: «Да! я гублю! пью жизни, как вампир! / Но каждая душа - то новый мир / И манит вновь своей безвестной тайной» [4, с. 158].

Невозможность духовной близости Дон Жуан заменяет плотскими утехами, которые оказываются единственным способом сближения с Женщиной. Лирический герой лишен способности любить, он может только наслаждаться Ею. Его девиз - «обладая, наслаждайся!»

Список литературы

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993.
2. Бердяев Н. А. Эрос и личность. Философия пола и любви. М., 1989.
3. Бланшо М. Орфей. Дон Жуан. Тристан // Диапазон. 1993. № 2. С. 207-211.
4. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7-ми т. М., 1975. Т. 1.
5. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7-ми т. М., 1975. Т. 3.
6. Буле О. Заметки о споре между *la brune* и *la blonde* в эпоху романтизма // Концепция и смысл: сб. статей / под ред. А. Б. Муратова, П. Е. Бухаркина. СПб., 1996. С. 28-47.
7. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996.
8. Розанов В. В. Декаденты // Розанов В. В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. С. 204-216.
9. Тахо-Годи А. А. Геката // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1990.
10. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
11. Чуковский К. И. Валерий Брюсов // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 6-ти т. М., 1966. С. 48-65.
12. Элиаде М. Луна и мистика луны // Элиаде М. Трактат по истории религии. СПб., 1999.

УДК 81.737; 81.276.6

Анастасия Валентиновна Ивкина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ И ОСОБЕННОСТЯХ ЕЁ ДЕСИГНАТА И КОННОТАТА©

Исходя из общих представлений о лингвистическом знаке в целом, можно утверждать, что термином может стать любое слово при следующих условиях:

- оно отражает специфический референт;